

Умные больше не нужны или к чему ведёт реформа школьного образования?

По ролику - <http://www.youtube.com/watch?v=YSXgpMVR9Y0>

(пропущена идущая в начале нарезка фраз, которые встречаются далее в докладе, первые секунд 50)

Людмила Аполлоновна Ясюкова, научный руководитель центра «Диагностика и развитие способностей», преподаватель ИПП «Иматон».

Клуб газеты «Точка Ру» при участии Общества единомышленников Юрия Болдырева, СПб, 03.04.2015

Я, Ясюкова Людмила Аполлоновна, психолог, кандидат психологических наук, доцент. В школах я уже работаю почти 30 лет – занимаюсь психологическим сопровождением учебного процесса, начиная с детского сада, с подготовки детей к школе, далее – начальная школа, средняя, старшие классы, до выбора ВУЗа. Я работаю не просто психологом, который разговаривает с детьми, разговаривает с учителями. Я провожу глубокую комплексную диагностику, выясняю сильные и слабые стороны каждого ребёнка и даю рекомендации – что и как делать ребёнку, что делать учителю, что делать родителям, чтобы любой ребёнок учился хорошо.

Осложнение ситуации в образовании я наблюдаю с начала 80-х годов, и чем дальше, тем положение становится хуже. Все последние нововведения, которые якобы направлены на улучшение ситуации в системе школьного образования, к улучшению не приведут, потому что, во-первых, те, кто проводит реформы, не учились на экспериментах 30-х годов, не учились на экспериментах 60-х, 70-х годов, они повторяют все ошибки заново. Но если в прошлые годы эксперименты проводились именно как эксперименты, то сейчас все «разработки» сразу внедряют в практику. Раньше: поэкспериментировали, поняли, что ничего хорошего не получается, и отказались, но книги, статьи об этих исследованиях остались, их можно найти и прочитать. Сейчас, не зная об аналогичных неудачных экспериментах прошлых лет и не проверяя результаты собственных нововведений, сразу авторитарно внедряют свои разработки в школьную практику. Сегодня на самом деле у нас ситуация в школе значительно хуже, чем в Советское, вроде бы диктаторское время.

Во-вторых, ухудшение ситуации в школе связано с тем, что официально принято решение о том, что мы отказываемся от академической парадигмы образования и переходим к экологической парадигме образования. Что авторы под этим подразумевают, сложно сказать, но то, что от академического образования отказались, это очевидно. Науки в школе теперь не изучают. Под экологическим, видимо, подразумевается попытка сделать так, чтобы дети, закончив школу, умели что-то практически делать, были адаптированы и вписаны в современную жизненную ситуацию. При этом образование как образование разрушается последовательно.

Почему раньше не надо было принимать различных решений по совершенствованию системы образования? Надо сказать, что проблемы с образованием начались где-то в 90-е годы. До этого вроде дети учились и учились, и как проблема общественная, как проблема, которой бы занимались родители, такой проблемы не было. Если посмотреть исторически, с чего это началось, то первая ласточка или то, что у нас начало разрушать систему образования, это система обучения русскому языку и чтению Эльконина – фонетический метод. До 1982-1985 годов детей обучали зрительно-логическим методом. И я училась зрительно-логическим методом, а мои дети как раз попали на переходный период, поступили в школу в 1982 г. и в 1984 г.

Если учитывать специфику русского языка, мы говорим и слышим одно, а писать надо, как видим и по правилам. На том, что мы слышим и говорим, нам фиксироваться не надо, нам надо смотреть, как написано, и нам надо знать правила. И зрительно-логический метод был официальным до 1981-1982 годов.

Эльконин свой букварь, основанный на фонетическом методе, сделал ещё в 1961 году. Он сделал его на волне исследования фонетики в Европе и в Америке. В те годы у нас ещё были идеи перевода обучения в начальной школе с 6 лет. Попробовали новый эльконинский букварь, и получилось, что он не обучает ни чтению, ни грамоте. И отложили его как интересный лингвистический изыск, школа

сказала, что не готова к такой блестящей теоретической работе, к такому сложному способу обучения и т.д. Однако Эльконин не успокоился – он и его соратники Бугрименко, Цукерман 20 лет продавливали этот букварь. Где бы они ни внедряли, что бы они ни делали, оказывалось, что дети учиться не могут. Почему удалось продвинуть? Официально с 1981 года было принято решение о переходе на новый фонетический букварь. Дело в том, что к концу 70-х годов уровень развития детей оказался очень высоким, к школе практически все дети умели читать. Нашим великим теоретикам, Эльконину и его последователям, и многим современным докторам наук, которые и теперь считают, что это замечательный метод обучения, непонятна элементарная вещь: когда фонетический разбор делает читающий человек, то он на самом деле работает не со звуковым составом слова, не звуки анализирует, а он знает, как слово написано, видит слово, и быстренько членит его на части и делает легко и его фонетический разбор. Если нужно, чтобы сделал фонетический разбор человек нечитающий, ребёнок, то ему приходится работать именно со звуковым составом слова, то есть он только со звуковым комплексом работает. Естественно, он не может его легко проанализировать. Когда начинали внедрять этот букварь в 60-е и в 70-е годы, то дети шли в школу в основном нечитающие, они, естественно, не могли быстро научиться делать этот фонетический разбор. Года обучения в 1-ом классе не хватало, чтобы этому научиться делать, и поэтому букварь всё время откладывали.

Но в конце 70-х годов дети пошли в школу почти все читающие. Жили мы бедно, но уровень культуры у нас был очень высокий, и, соответственно, когда пошли в школу дети читающие, первое, что сделали, кто помнит, в конце 70-х сократили начальную школу с 4-х лет до 3-х, потому что никому не надо было целый год изучать букварь. Сначала на полгода сократили букварный период, потом до одной четверти, а потом фактически детям только в сентябре упоминали про буквы и звуки. Как только в конце 70-х годов в школу пошли дети читающие, так фонетический букварь и пошёл. И быстро было принято административное решение, и с 1982 года повсеместно начался переход на новый метод обучения. Эльконин, Бугрименко и Цукерман сделали букварь, который стал базовым для всей нашей школы, и по сию пору является базовым. Многие переходить не хотели. Я знаю, Горещкий очень сопротивлялся, у него был букварь нормальный в своё время, сейчас уже тоже фонетический. И все последующие буквари, которые создавались и используются сейчас, основаны на фонетике. То есть сначала изучают звуки, со звуками работают, потом рассказывают про буквы. И с 1982 года по 85-87 года завершился переход на новый букварь и в целом на новый метод обучения русскому языку по всей стране.

Школы сопротивлялись сначала, но помогла перестройка. В перестройку мы отбрасывали всё старое, отжившее, переходили на новое, хорошее. И в образовании следовало отказаться от старых программ и методов обучения, перейти на новые, лучшие, научно обоснованные и т.д. Фактически к концу 80-х все школы полностью перешли на фонетический метод обучения. Дальше грянул экономический кризис, дефолт, и что у нас получилось: родителям некогда стало заниматься с детьми, надо было на жизнь зарабатывать, и в школу пошли дети нечитающие. Пособия, книжки покупать стало дорого, уровень развития детей резко упал. Посещение детских садов резко сократилось, потому что стало дорого тоже, и в школу пошли дети неразвитые и нечитающие. Дефект букваря сразу стал очевиден – обучить читать фонетическим методом за один год в 1-ом классе невозможно. Но какой вывод сделали? Не букварь плохой, не программа плохая, а дети плохие, у детей не развит фонематический слух. Какое приняли решение? – с середины 90-х годов начали обучать фонетическому разбору в детском саду. Стали в подготовительной группе детского сада заниматься этим фонетическим разбором как подготовкой к школе. Год занимаются – всё равно дети не успевают освоить, не усваивают всю эту премудрость и читать не обучаются. Пришли к тому, что начали обучение со средней группы, за три года дети этот фонетический разбор более-менее стали осваивать. Сейчас дети в детском саду в старшей и подготовительной группе два года занимаются фонетическим разбором, у них это официально входит в программу подготовки к школе.

К чему это приводит? Дети занимаются звуковым анализом слов. Букв они не видят. Два года они анализируют всё только на слух. В результате у них формируется слуховая доминанта – звучание

слова первично, написание – вторично, главное звучание. Дети два года в детском саду фонетикой занимаются, многие на подготовке к школе параллельно это же закрепляют. Пришли в школу – у них первая четверть тоже полностью только со звуками работа. И только потом они начинают буквы изучать. Вот я сидела на уроке, учительница наконец где-то в декабре показала им букву «А» и спрашивает: «Ребята, какое слово вы на «А» знаете?» Полкласса кричит «агурец». Да – наши дети пишут, как слышат, именно потому, что у них фонетическая доминанта, потому что метод обучения чтению, письму фонетический. Мы их учим слышать звуки, выделять звуки, очень хорошо учим слышать, и они потом пишут, как слышат. Даже потом, когда они изучают всякие правила – у них всё равно автоматически воспроизводится тот вариант, который они привыкли проговаривать, слуховой. Более того, в программе с 1 по 6 класс теперь есть упражнения на звуковую запись слова, то есть дети пишут: «малако», «сабака», «йожик», «байан» и т.д. И когда они пишут вот так, то у них и зрительно графика запоминается именно эта, подтверждающая фонетический анализ.

Хотя, если взять любой букварь, там написано: «Звуки – это то, что мы говорим и слышим, буквы – это то, что мы видим и пишем», то есть физически невозможно сделать буквами звуковую запись слова! Звуковая запись слова может быть на магнитной ленте, например, но не буквами. Если пытаться звуки слова записывать буквами – это просто будет неграмотная запись.

Дети ещё до изучения букв делают такие упражнения, например, что мишка и мышка начинаются с разных звуков. Дальше, «нос» и «нёс» тоже с разных звуков начинаются, а вторые гласные звуки в этих словах одинаковые – «о». А когда со 2-3-й четверти начинают писать, то оказывается, что «мишка», и «мышка» пишутся с одной буквы, и «нос» и «нёс» начинаются одинаково, зато именно вторые гласные буквы у них разные: в одном случае «о», а в другом случае «ё». Детей учат, что в словах «телёнок» и «козлёнок» ударный звук «о». Потом они так и пишут, как их учили: «тельонок» или «телонок». Дети делают массу всяких упражнений на звуковой анализ, которые потом мешают правописанию. Они учат, например, что в словах: лось, конь, бить, день – три звука, последний из которых мягкий. У них и специальные обозначения есть. Например, твёрдые согласные заменяет синий кружочек, мягкие согласные – зелёный, а гласные звуки – красный. Дети выставляют цветные фишки в соответствии с количеством звуков. Выше приведенные слова они записывают тремя фишками: выставляют синий, красный и зелёный кружочки. После таких упражнений они мягкий знак не пишут никогда. Я сидела во втором классе на уроке, и мальчик написал на доске: «Весёлый летний день», и слово «день» без мягкого знака, естественно. Учительница указкой тычет в слово «день» и спрашивает: «Какая там последняя буква должна быть?» Ученик говорит: «Зелёная». То есть, как детей учат, так дети и пишут. И если вы посмотрите на всякие комплекты для подготовки к школе, то там тоже – рисуются клеточки или кружочки именно по количеству звуков, но не столько, сколько букв содержит данное слово. Поэтому дети и далее при написании ориентируются на количество клеточек, количество звуков в слове, и как они под это подставляют буквы – как попало, кто как привык говорить и слышать, тот так и подставляет. Если они выполняют упражнения и пишут «йожик» (это из рабочей тетради 2 класса программы Горецкого), «малако», «зельонный», «бироза», то потом так и пишут, как их научили. Цукерман учит, что слово «вторник» начинается с «ф», а «эскимо» с «и», т.е. «фторник», «искимо». Как вы думаете, как после этого дети будут писать? Да им становится всё равно что и как писать. Естественно, при таком образовании школьники пишут неграмотно. И беда в том, что потом неграмотность не убрать, т.к. любое развитие необратимо: то, чему их научили, не стереть, не «перепрограммировать». Я тетрадки смотрела – они пишут «ва кно», не «в окно». Считается, что это логопедические ошибки, а они пишут, как слышат. Они пишут «фки но» (вместо «в кино»), мы их так учим: говорить, слышать, а потом писать! Вот эти программы делают подрастающие поколения неграмотными, из-за них наша молодежь безграмотна, такова система обучения якобы грамоте в начальной школе, спасибо Эльконину и его ученикам.

И что с этим сделать? Что делают современные родители – не ведут ребенка в начальную школу, обучают дома, фонетикой при этом вообще не занимаются. В этом случае можно сформировать и сохранить грамотность. Если ребенок занимался дома, обучался зрительно-логическим методом (то есть либо буквами, как мы учились, либо по кубикам Зайцева), то он может писать нормально, без

ошибок. Однако когда он все-таки приходит в школу и начинается фонетика – грамотность снижается, появляются ошибки, то есть начинается негативное влияние образования, когда каждый день фонетический разбор, звуковая запись слова.

С другой стороны, если наши теоретики пришли к выводу, что у нас дети плохие, у них не развит фонематический слух, ЗАЧЕМ их обучать методом фонематического анализа?! Ну, вернитесь вы к зрительно-логическому методу! Ну, зачем так упорно с детского сада мучить детей фонетикой, в школе без конца терзать их этой фонетикой? Наши доктора, профессура говорят, что занятия фонетикой обязательны, если у ребёнка нет фонематического слуха, он никогда не научится читать и никогда не будет грамотно писать, что фонематический слух обязателен. Уже столько диссертаций на эту тему защищено.

Я говорю: «Хорошо. Я 4 года работала в школе глухонемых. Я с ними до сих пор сотрудничаю. У глухонемых детей вообще никакого слуха нет, не то, что фонематического. Они пишут грамотно! Они пишут грамотнее сейчас, чем наши дети со слухом». То есть фонематический слух вообще не нужен для грамотного письма. Вообще никакой слух не нужен для обучения, потому что глухонемые дети учатся по тем же учебникам и по тем же программам, они читают ту же биологию, ту же историю. Прекрасно читают, грамотно пишут, пишут контрольные работы, сочинения, задачки решают. Диктанты даже пишут, они как бы читают с губ. Упражнения делают. **То есть фонематический слух никому не нужен для того, чтобы учиться.**

Раньше, когда мы учились зрительно-логическим методом, фонетику мы изучали в 5 классе. У нас было две недели или три на освоение фонетического разбора. Нам показывали, рассказывали и про звуки, и про йотированные гласные рассказывали, и про фонемы рассказывали. И ни у кого не возникало проблем – есть у детей фонематический слух или нет – все уже читать умели, все эту премудрость фонематическую легко понимали, изучали и спокойно забывали до выпускных экзаменов, потому что в процессе учёбы она никому не нужна. Перед выпускными экзаменами вспоминали, повторяли, сдавали и забывали окончательно. Эти знания далее могли понадобиться только тем, кто собирался на филологию или на какую-нибудь углублённую лингвистику.

Все современные реорганизации образования, к сожалению, к хорошему не ведут. Про проблемы с образованием по русскому и по чтению я уже пишу, не знаю, сколько. У меня масса статей, которые так и называются «Педагогика неграмотности». Результат пока никакой, естественно. Я, получается, действую как в басне «Слон и моська» ☺, то есть моська лает – я лаю, слон идёт, в Министерстве образования всем на всё на это наплевать (я им писала обо всем этом). Считается, что просто дети плохие, учиться не могут, родители ими не занимаются и так далее.

Я к чему всё это рассказываю – к тому, что на самом деле проблема или задача реорганизации образования впервые так явно встала в 90-е годы, когда вдруг выяснилось, что всех детей мы выучивать не можем. Дети вдруг стали неграмотные и нечитающие, поэтому что-то надо делать с образованием. А возникли проблемы именно после реорганизации преподавания русского языка, после этого неграмотность и появилась.

Ну и далее, поскольку не меняли программу по русскому языку, никаких улучшений в школе не наблюдалось. Можно и про программу обучения чтению пару слов сказать. Сейчас с 1-го класса дети сдают технику чтения: читают вслух на скорость. Поскольку у Эльконина написано, что чтение – это озвучивание графических символов, то и чтению у нас обучают не лучшим образом. На самом деле, озвучивание графических символов – это музыка, а чтение – это понимание, осмысливание графических символов. То есть чтение вслух и тем более быстрое чтение вслух – никому не нужно, потому что, если ребёнок читает громко вслух, он не понимает, что читает. Мы специально проводили эксперимент – взрослых просили читать вслух газетные передовицы или коротенькие доклады на

незнакомую тему, а потом спрашивали, про что. Фактически, не справился никто. Что-то в памяти западает, конечно, отдельные моменты, и всё.

Дело в том, что осмысливание и озвучивание – это две параллельные операции, которые не слиты даже у взрослых людей, потому что нужно распределять внимание между выразительным говорением и между пониманием, а это не так просто. Когда детей учат «читать» через быстрое озвучивание, то они потом озвучивать могут, с логопедом ещё поработавши, но уже совершенно не вникают в то, что читают. Ведь, чтобы сдать технику чтения, требуется именно быстрое озвучивание. И получается, что дети выходят из школы не только неграмотные, но и нечитающие. И это всё вдруг проявилось в 90-е годы. Эта проблема и сейчас есть. Я когда тестирую старшеклассников, 11-е классы, у нас только 30% детей из 11 класса выходят с полноценным навыком чтения, то есть они понимают полностью любые тексты, которые читают, а остальные 70% – нет. Соответственно, когда навык чтения неполноценен, они не могут писать сочинения, не могут составить фразы грамотно, они не читают художественную литературу, потому что они «повисают», как только начинается описание природы, моральные метания героев, философские рассуждения – всё, поплыли. Как только сложноподчинённые длинные предложения, они перестают воспринимать смысл того, что читают. Поэтому они и не читают. То есть виноваты не компьютеры, не планшеты, ни телевизор. Виновата наша система образования. Программы и методы преподавания такие, что детей не смогли научить читать. А кто читать научился, они и читают, и техника им не мешает, они ей пользуются как инструментарием. Абсолютное большинство школьников, к сожалению, читать не умеет, хотя технику чтения сдают, т.е. обучаются худо-бедно озвучивать. В 90-е годы как раз встала проблема чтения и грамотности, и если ребёнок плохо читает, то он дальше не может нормально учиться: он не может читать параграфы, не читает дополнительную литературу. В начальной школе такие дети задачки не могут решать, потому что не понимают, что там написано – всё качество учёбы у нечитающих детей резко снижается.

У нас какое предложили решение – когда поняли, что у детей проблемы с обучением? Программы реорганизовывать в лучшую сторону никто не стал, наоборот, в 90-е годы программы упростили. Упростили программу и начальной, и средней школы. И решили, что не обязательно нужно всех образовывать, главное, чтобы адаптация была у детей, чтобы в школе они себя хорошо чувствовали. В школу пришли и психологи, и логопеды, и дефектологи. Но если вспомнить, я вот в школу в 55 году пошла (давно), у нас было по 45 человек в классе, не было ни логопедов, ни психологов, ни дефектологов, родители не занимались вообще никак, не знали, что такое уроки делать с детьми, и все в то время учились.

Мои дети в начале 80-х пошли в школу, в новом районе жили, тоже в новых районах по 45 человек в классе - ни логопедов, ни психологов, ни дефектологов, и все дети учились. **Проблема в программах.** Тогда были программы, которые позволяли обучать всех, какие бы дети ни приходили, потому что приходили не умеющие читать, не говорящие – не выговаривающие звуки, плохо соображающие, с мышлением не развитым. Когда говорят, что, если ребёнок не будет звуки произносить, вот, мол, он читать не научится, я всегда говорю: «Мы Владимира Ильича Ленина забыли, но, так сказать, он картавил всю свою сознательную жизнь, и не только картавил, у него такой логопедический дефект жуткий был, но он грамотно писал и читал на 4 языках». И я в школе работала, ещё в конце 80-х годов, у меня мальчик был, который ни «з», ни «с» не выговаривал, у него было вместо «роза» – «рожа», вместо «Статуя Свободы» – «Штатуя Швободы», вместо «забыл» – «жабыл». Когда его вслух вызывали что-то читать, весь класс потешался. К 5 классу он только эти звуки стал произносить, но писал он всегда грамотно. У меня собственный сын твёрдую «л» стал говорить только в 10 классе – у него, кроме пятёрок, по русскому ничего вообще не было. **Грамотность – это функция мышления, а не произношения.** Как бы не произносил слова человек, если учат читать зрительно-логическим методом и писать по правилам, то они и пишут нормально, грамотно, по правилам, и произношение не имеет никакого значения. Это так же, как глухонемые – они вообще никак не произносят, и ничего не слышат, и, тем не менее, пишут грамотно. То есть грамотность – функция мышления. У нас до сих пор до этого дойти не могут.

Вобщем в 90-е годы ничего не получилось и с адаптацией, хотя пришли и психологи, и логопеды, и социальные педагоги заниматься адаптацией детей, дети всё равно чувствовали себя плохо, потому что кому понравится получать двойки, переписывать диктанты, считать, что он вот такой-сякой, плохо успевающий и т.д. У нас опять же забыли Леонтьева, когда он говорил, что человек чувствует себя хорошо, когда он эффективен в ведущей деятельности. У школьника ведущая деятельность – учебная, и, если у него с учёбой плохо, в сравнении с другими одноклассниками он явно проигрывает, счастливым и адаптированным он не будет никогда. То есть, сколько бы там не играли и не занимались тренингами психологи, в 90-е годы адаптировать и сделать детей счастливыми не получилось.

Следующая концепция была воспитание. Мол, ладно, пусть они будут неграмотные, пусть будут неадаптированные, но мы их воспитаем. Эта концепция провалилась быстро, потому что как воспитывать, никто не знал. Читать лекции по воспитанию школьникам, мол, «ведите себя, ребята, хорошо, будьте дружными», никакого эффекта не давало. Программы какие-то по этике общения, поведения пытались вводить, но закончилось всё это быстро, т.к. общую учебную нагрузку нельзя превышать.

Следующая концепция – это формирование компетенций. От неё ещё не совсем отказались. Решили, пусть дети будут неграмотные, неадаптированные и невоспитанные, но зато они будут обладать определёнными навыками, которые позволят им по выходе из школы успешно практически действовать в той жизни, в которой они окажутся. Наши реорганизаторы образования опять же не читали ни Выготского, ни Давыдова, много кого не читали, потому что тот же Давыдов прямым текстом писал, что педагогика всегда обречена транслировать устаревшие знания. Пока выяснят, какие компетенции нужны сегодня, пока составят учебники или программы, чтобы эти компетенции формировать, пока дети будут учиться по этим учебникам и программам, формируя эти практические компетенции, пройдёт 5-7-10 лет, ситуация в стране и на рынке труда изменится кардинально, и то, чему их учили, окажется ненужным. Это очевидно. Но наши теоретики спорили о другом: сформировать компетенции или компетентность? Теперь мы не формируем знания, умения и навыки, мы отказались от примитивных «ЗУНов». И что же это такое: компетентность? Оказывается – это те умения, потому что дали такое определение компетентности – это умение использовать знания и навыки в практической жизненной ситуации. Зачем было выдумывать слова и теоретизировать? Но ведь надо же что-то делать, вот и делают, что умеют.

Следующая концепция, когда с компетенциями ничего не получается, это формирование универсальных учебных действий. Создали документ: «Федеральные государственные образовательные стандарты», где прописаны инновационные технологии и поставлена задача формирования универсальных учебных действий. Что такое универсальные учебные действия? – это чтобы ребёнок смог учиться самостоятельно, если захочет. Надо детям сформировать универсальные учебные действия, и тогда они сами смогут учиться.

К сожалению, всё, что там в этих федеральных государственных образовательных стандартах рекомендуется делать для формирования универсальных учебных действий, это то, что наши теоретики не прочли в работах 30-х годов и в работах 60-70-х, и они все ошибки повторяют. Сегодня делается как раз то, что не ведёт к формированию универсальных учебных действий. Ну не читают классиков, не читают Выготского, Давыдова, как на самом деле обучать и развивать детей, чтобы они могли учиться самостоятельно. То, что сейчас делается в школе, ломает её окончательно. Причём, если раньше, в советское время сверху отдавались приказы, и школа говорила «Да!», и спускала всё на тормозах, в школе продолжали учить, как учили. Все так жили. Сверху распоряжались, но считали главным, чтобы школа и учителя образовывали детей, чтобы все были грамотными, умными, сдали все экзамены. Школа вполне свои задачи выполняла, поэтому особо сверху в образование не вмешивались и свои же распоряжения особо не контролировали. Сейчас уже такие номера не проходят. Сейчас

масса административных проверок с серьезными последствиями для учителей и администрации школы.

Мне заранее дали вопросы, которые хорошо бы обсудить. Вопрос такой: в чём разница парадигм, или программ советского времени и сегодняшних, почему советские программы были успешны? В Советское время был пиетет науки, преклонение перед наукой. Считалось: если мы будем развивать науки, то мы решим все проблемы, потому что главное – понимать объективные законы окружающего мира, то есть понимать законы физики, химии, биологии, экономики, социологии, истории и т.д. Чтобы правильно понимать, из-за чего что-то происходит, что делать, чтобы не пытаться противостоять объективному закону, но вписываться в них, убирать какие-то проблемные вещи, не противореча объективному развитию событий. Считалось, что, если мы разовьём науки, а дети освоят науки, то мы решим все проблемы. Сейчас у нас академическую парадигму образования сменили, от неё отказались, наука не в чести. У нас сейчас всё в образовании предлагается попроще, в картинках, чтобы дети заучивали и пересказывали. Началось это с 90-х годов, когда у детей стали возникать трудности в обучении из-за изменённых программ по русскому языку и чтению. Психологи вдруг вспомнили, что у детей в начальной школе ещё доминирует наглядно-образное мышление, что мы неправильно детей обучаем, что всё надо наглядно и образно, и науки стали заменять картинками. Психологи порекомендовали то, чего делать было нельзя, потому что они тоже не читали Выготского. Если бы обратились к Выготскому и почитали бы его 2, 3, 5 тома, то увидели бы, что он ругает начальную школу именно за то, что программы построены на наглядно-образной основе. Он пишет, что при таких программах за 4 года начального обучения закрепляется детское, дошкольное, дефективное, допонятийное мышление ребёнка, а потом что-либо исправить в средней школе бывает сложно. С начальной школы надо изучать науки. И у Выготского был поставлен эксперимент, где он показал, как сделать так, чтобы все дети научились мыслить понятийно. И у Давыдова на это же работает программа.

Когда я спрашиваю, в чём задача школы? Потому что да, действительно, все знания устаревают, мы всё забываем, чему нас научили, знания эти конкретные мало и редко где пригождаются, так зачем тогда учиться? **В школу ходят для того, чтобы научиться думать.** И думать можно научиться только тогда, когда мы изучаем науки. Я говорю, что, если ребёнок решает хорошо любые задачи по физике и математике, то любую жизненную проблему он решит. В остальных случаях – вряд ли. И Выготский как раз доказывал и писал, что основная задача школы – это сформировать понятийное мышление. Почему именно понятийное? Потому что в понятийном мышлении отражаются объективные законы окружающего мира. И если у человека сформируется понятийное мышление, то с чем-то сталкиваясь в жизненной ситуации, он правильно понимает, из-за чего это произошло, что это такое и что будет дальше, как надо действовать, чтобы правильно принять решение в данной ситуации и чтобы адаптироваться, выжить и так далее. Любые научные разработки, физика, техника, медицина, где угодно требуется понятийное мышление, т.е. мы должны знать объективные законы и использовать их. Самолёт не построить, если мы объективные законы физики не знаем, если захотим, как Икар планировать. Везде нужно понятийное мышление.

Откуда оно берётся? У нас в психологии, опять же, к сожалению, считают, что оно само по себе созревает. Вот есть Пиаже, и есть этапы формирования мышления, которые он описал. В учебниках психологии написано, что у ребёнка сначала наглядно-действенное мышление, потом наглядно-образное, а потом оно перерастает, изменяется и формируется словесно-логическое или понятийное мышление. Вот как бы само по себе. Вот у Пиаже написано, что понятийное мышление созревает где-то там к 11-13 годам, а у взрослых оно уже у всех есть. Выготский писал, что менее 20% взрослого населения обладает понятийным мышлением – только те, кто занимается исследовательской деятельностью, в основном в технических и естественных науках.

Выготского ругали за это все, кто про это читал. Можно провести экспериментальную проверку его выводов. Я занимаюсь тестированием. У меня есть тесты на измерение понятийного мышления. У нас,

во-первых, проблема в психологии ещё такая, что определения даются, а инструментария измерительного нет. Психология не наука в этом плане, она должна быть как физика, где под каждое определение, под каждое название есть формула. Что такое скорость? Это путь, делённый на время. Путь, пройденный в единицу времени. В чём бы он ни был, в чём бы ни измерялся – в метрах, в парсеках, в попугаях – без разницы. Всегда есть формулы, есть методы измерения, под каждое определение или показатель есть определённый метод, как его замерить. Я пытаюсь это делать. Если я говорю о понятийном мышлении, о зрительно-графическом или об абстрактном, у меня под каждое наименование есть всегда конкретная измерительная процедура.

Прежде чем в школу прийти, я работала со взрослыми. Начиная с 70-х годов, я изучала представителей различных профессий, сильных и посредственных специалистов, и смотрела, какое у кого развито мышление, есть ли понятийное мышление. Потом со студентами работала – смотрела, как мышление у будущих специалистов развито, как развивается, потом только пошла в школу, чтобы посмотреть, как развивать мышление у детей, какие способности к каким видам деятельности можно диагностировать у старшеклассников. Так вот, когда я работала со взрослыми, у меня получалось, что меньше чем у 20%, и только в основном у технарей есть понятийное мышление.

Можно мне не верить. Почитайте, что пишет Веккер. К сожалению, он уже 5 лет как умер, бывший наш питерский профессор, очень нетривиальный человек. В конце 80-х он уехал в Америку, стал там ведущим специалистом. Здесь его не очень признавали, там прямо гениальным был признан. Действительно, он был уникальный специалист. У него книжка вышла в 1998 году. Он проводил до этого в 90-е годы кросскультурные исследования по развитию мышления у детей 5-8-летнего возраста в Центральной Америке, Скандинавии, Центральной Европе и в России. Он вообще всегда был нетривиальным человеком. Он дал те задания, которые предназначались для детей 5-8-летнего возраста, психологам с высшим образованием, которые с ним работали и обследовали этих детей. Психологи, которые занимались мышлением, уж кажется, знают и Выготского, и Пиаже, и все вообще исследования по мышлению, и всё такое... Какой вывод сделал Веккер – более 70% психологов с высшим образованием мыслят как дети 5-8 летнего возраста: обобщают от частного к частному, не по существенному признаку, то есть у них понятийное мышление отсутствует.

Про это Выготский писал ещё раньше: если человек не изучал науки, у него понятийное мышление само по себе не созреет, не сформируется. У него концепция культурно-историческая, высшие психические функции – это результат воспитания и обучения, но не созревания. И если человек не изучал науки, то понятийного мышления у него не будет. Развитие мышления вообще – это исторический процесс, и он зависит от развития человечества, а не отдельного человека. Отдельный человек в своей жизни – он не сможет сам сформировать понятийное мышление, оно формируется тогда, когда в обществе уже сложилась система научных знаний, и человеку есть, что изучать. Проводились исследования в 20-е годы прошлого века, у нас Выготский с Лурией, на Западе Леви-Брюль, Леви-Стросс, Маргарет Мид, Кликс. Они изучали мышление примитивных народностей. В тех обществах, где нет наук, у людей нет понятийного мышления. Они мыслят только практически. Поэтому они адаптированы только к той среде, в которой они живут. Если среда резко поменяется или они куда-то уедут, они действовать не могут, потому что они не могут анализировать ситуацию, не могут выделять внутренние закономерности. Они вписаны только в ту среду, где они практически адаптировались. Понятийное мышление начинает формироваться тогда, когда складывается рабовладельческий строй, когда возникают люди, которые занимаются только наукой. Когда появляются люди, которые занимаются только тем, что изучают астрономию, географию, геометрию, чтобы делить участки и так далее, карты местности рисуют, медициной занимаются, то есть появляются люди, которые познают объективные законы окружающего мира и выстраивают систему научных знаний. Любая наука выстраивается по понятийному принципу, то есть в основе любой науки лежат основные понятия – аксиомы, и дальше, в зависимости от того, какие законы там действуют, выстраивается пирамида понятий любой науки, выстраивается пирамида науки. Выготский так и писал: пирамида понятий, понятийная пирамида, пирамида науки. Один человек это выстроить не

может. Пирамида науки выстраивается постепенно усилиями многих людей. А потом любой может обучиться, может изучать науки. Когда школьники изучают науки, а в советское время все программы были построены так, чтобы **дети знали науки**, поскольку писали программы учёные – математики, физики, биологи, а не педагоги и психологи, как, к сожалению, сейчас, то можно сформировать понятийное мышление. Детям давались науки, чётко-точно структурированные знания, и когда изучалась наука физика, наука химия, наука биология, наука география, наука история, то мышлением усваивался принцип организации наук. Кроме этого и конкретные научные знания в системе укладывались, и общий принцип, механизм аналитический организационный усваивался. И тогда формировалась интеллектуальная понятийная структура. Молодой человек заканчивал обучение, выходил в большую жизнь и, если сталкивался с какой-то проблемой, то мог найти ей соответствующее место в понятийной структуре, где она по объективной логике могла находиться. Соответственно, он мог правильно понять причину проблемы, с чем она ещё связана, как надо действовать, чтобы не ухудшить ситуацию, а, наоборот, её разрешить, т.е. действовать, не противореча объективным законам развития ситуации. В общем, всё это было полезно. У нас в психологии, к сожалению, сейчас так называемый системно-деятельный подход доминирует. Научная логика в нем не просматривается, а названия можно придумывать какие угодно, смысл от этого не появится.

Пока наши ученые не осознают, что индивидуально мышление не созревает, сдвигов положительных в психологии и в образовании не будет. Правда, раньше педагогика и без психологии, и без этого понимания прекрасно обходилась, потому что уважались науки, и, соответственно, результаты были хорошие. Теперь науки все убрали. Выготский же ещё в 20-е годы в эксперименте своём показал, как можно развить понятийное мышление всем. Они ввели научное обществоведение с 1-го по 4-й классы, и измеряли каждый год развитие мышления у детей, как дети могут делать обобщения, давать определения понятий и т.д. Задания давались на обществоведческой основе и на бытовой. Аналогичные задания давали. Первый год после первого класса на обществоведческой основе 60% детей легко делали любые обобщения, выводы, давали определения. На основе бытовых понятий – меньше 20%. Далее, после 2 класса легко работали с обществоведческими понятиями где-то за 70%, под 80% детей – они уже два года этим занимались, на основе бытовых понятий аналогичные задания выполняли только около 40% детей. К третьему классу уже под 90% детей легко выполняли задания на обществоведческой основе и где-то процентов 60% - на основе бытовых понятий. И к 4 классу, у Выготского там процентная табличка дана (это всё есть, но никто же не читает: ни психологи не знают, ни преподаватели не знают многие, ни академики, кто про мышление пишет), 98%, фактически почти все легко справлялись с определением обществоведческих понятий, они 4 года работали, именно этим и занимались, и 82% легко работали на базе любых бытовых понятий – к какой сфере относятся, то есть структурировали всё на научной основе. И по этому поводу Выготский сделал вывод, что обучение научным понятиям формирует зону ближайшего развития для спонтанного мышления ребёнка и перестраивает спонтанное мышление по понятийному принципу. Именно тогда, когда будут изучать науки, можно сформировать понятийное мышление. У нас образование начинается только с 7 лет, но до 7 лет ребёнок как-то мыслит, всё равно как-то обобщает, и мышление у него действительно наглядное-образное-неизвестно-какое. Однако до школы ребёнку не приходится систематически мыслить, обобщать и работать с информацией, он то играет, то поёт, то танцует, то рисует и пр. Но как пошёл в школу, то ему 5 раз в неделю по 4 урока нужно как-то обобщать и систематизировать информацию. Объём информации лавиной нарастает, и те способы обобщения, какие он будет использовать, они и будут закрепляться в качестве операций мышления. Если он будет обобщать наглядно и образно, то у него закрепится дефективное дошкольное допонятийное мышление. Если сразу начнут изучать науки, то тогда у него будет перестраиваться спонтанное детское мышление и формироваться научное понятийное мышление. Давыдов так свою программу по математике разработал, что за время обучения в начальных классах можно всем сформировать понятийное мышление. Сейчас, когда говорят программа в школе Давыдова-Эльконина, это административно-педагогический миф, они никогда ни одной программы вместе не делали, и вообще это конкурирующие психолого-педагогические школы. Давыдов учился у Гальперина, а Гальперин и Эльконин – они, так сказать, соревновались, кто правильнее понимает, что надо делать психологу в

педагогике. И когда Гальперин умер, Давыдов работал в русле идей Гальперина, а у Гальперина основная задача – это поэтапное формирование умственных действий, то есть он занимался как раз проблемами развития мышления, которые прекрасно Давыдов практически решил. У Давыдова чем специфична математика – тем, что там не учат счёту, не с арифметики всё начинается, а алгебра даётся раньше натуральной арифметики, то есть складываются понятийные математические структуры. Дети сначала учатся думать, а потом и считать. Дети обучаются очень хорошо, программу не понимают преподаватели. Мало, кто из учителей начальной школы её понимает. Чтобы её понять, нужно понятийное мышление, а у учителей начальной школы с этим проблемы. У меня есть исследования, я тестировала детей с 1-го по 11-е классы, которые по Давыдовским программам учились, в сравнении с параллельными классами, где были другие программы. Дети, которые только в начальной школе учились по Давыдову, и дальше очень хорошо соображают. Есть и сейчас программы, которые могут формировать мышление, но они, естественно, не используются. Направление идёт в другую сторону, в сторону упрощения. Раз детям трудно, давайте их учить попроще. И средняя школа вся упростилась. В начальной школе родители ещё как-то с детьми работают, с репетиторами дети занимаются, с психологами занимаются, с логопедами занимаются, и как-то в 5-й класс они выходят. Но дальше уже, так сказать, и дети не хотят учиться, и программы упрощают. Науки убраны отовсюду. Кто помнит, до середины 90-х годов у нас была в 5-ом классе программа по истории: «История развития цивилизаций», фактически эта программа сделана на том, что предлагал Выготский в качестве программы по обществоведению, всё по Марксу. В середине 90-х годов её заменили на историю в картинках, чтобы дети просто заучивали и пересказывали отдельные рассказы. И эта программа по истории до сих пор такая, в картинках.

Теперь и в 5 классе нашим детям еще мышление не требуется. Раньше только в начальной школе детям не надо было думать, достаточно было памяти. Если кто-то ещё помнит, то было по 20-15 отличников в каждом классе после начальной школы (все уже теперь это забыли), но с 5 класса и далее куда эти все отличники девались? Никого не оставалось. Потому что дальше учиться, используя только заучивание и пересказывание, было невозможно. Начальную школу можно закончить без понятийного мышления, оно там не требуется. Началка обязана дать только начальные навыки – чтения, счёта, письма и в целом адаптировать к школе. Но раньше уже с 5 класса начинались науки: наука ботаника, наука история, а дальше науки география, физика, химия и т.д. Учиться детям становилось значительно труднее, если у них не сложилось понятийное мышление. Но тогда науки всё-таки вводились и последовательно изучались, и наука биология вводилась хорошо. И когда дрессировали наукой биологией, то частично выправляли ситуацию с развитием мышления. Дальше наука физика заставляла учащихся думать – механика и так далее, и в общем-то, многие к старшим классам учились нормально. Но сейчас что сделали: убрали сначала историю, потом убрали и ботанику, вместо неё общее природоведение, рассказы в картинках. А как было раньше: 5 класс – ботаника, 6-7 – зоология, 8 класс – анатомия и 9 класс – общая биология как обобщение всей биологической понятийной пирамиды. Сейчас всё изменили, во-первых, раньше в начальной школе было хоть какое-то природоведение как базовое естествознание, его в конце 90-х годов заменили на программу «Окружающий мир». То есть раньше в начальной школе закладывали хоть какие-то основы естественнонаучного мышления благодаря природоведению, то современная программа «Окружающий мир» – это крошка неизвестно про что: то что-то на моральные темы, то что-то про природу, то что-то про зайчиков, что-то про историю вспомнят. Родители приходят в ужас, когда читают, что приходится учить их детям.

Там, кроме всего прочего, и ошибок полно. Авторы программы гордятся тем, что, например, теперь этот «Окружающий мир» – практикоориентированная программа. Например, как особенно интересное и полезное практикоориентированное занятие они приводят уроки изучения следов зверей. Для чего? Чтобы ребёнок мог сам выйти из зимнего леса. Во втором классе. Во-первых, что, составители не знают, что по следам зверей из леса не выйти? Два урока дети изучают следы зверей – практикоориентированное занятие. Чтоб ребёнок, второклассник, смог выйти из зимнего леса. Единственное, слава Богу, наш второклассник один в зимнем лесу никак не окажется, ему эти

практические, а фактически негодные навыки, применять не придётся, потому что, чтобы выйти из леса, есть другие ориентиры. А по следам зверей – извиняйте, из леса не выйти. И в этой программе «Окружающего мира» столько подобных заданий – непонятно, кто это составляет. Это просто ужас. Мало того, с 1-го класса дети уже должны всякие практические задания выполнять, и с утра до вечера родители «учатся», скачивают что-то из Интернета, делают индивидуальные проекты за ребёнка, потому что важные «практические» работы... Те задания, которые по программе требуются от детей, ни один первоклассник самостоятельно сделать не может. То есть начальная школа стала кошмаром, но там хотя бы родители что-то делают, пытаются детям помогать. Сейчас в начальной школе нет ничего, что дало бы какие-то позитивные знания и что-то позитивное у ребёнка сформировалось, потому что обучение русскому фонетическим методом, то есть они пишут как слышат. Чтение – чтение вслух, поэтому дети читают, не понимая, что читают. Вместо «Природоведения» у них вот этот «Окружающий мир». И математику современные реформаторы испортили тоже. Во-первых, по ФГОСам, новым федеральным государственными стандартами дети должны на уроках не решать задачи или читать, то есть не формировать навыки, а они должны ставить цели урока, составлять план урока, выставлять, какие задачи они на уроки должны решить, чтобы они научились рассуждать и думать. Но у нас не понимают: для того, чтобы поставить цель урока, нужно, чтобы сформировался интуитивный компонент понятийного мышления – умение выделять суть, главное. Чтобы дети могли план составить, видели причинно-следственные связи, требуются логические компоненты понятийного мышления. То есть пока не сформировано понятийное мышление, ребёнок не может ни цель поставить, ни выделить задачи, ни составить план урока. Однако этим всё равно занимаются, так по программе надо, учитель это обязан делать, так пол-урока уходит на то, что учитель сам рассуждает, сам ставит цель, задачи, потому что дети этого делать не могут. А дети скучают, и считать им некогда. Так и получается, что теперь дети считать не учатся и не умеют.

То, что современные дети не умеют читать, приводит к таким проблемам обучения, которых не было раньше. У меня центр есть на 5-й Советской, где я с детьми работаю, помогаю детям подтягиваться с учёбой... Если ребёнок начинает читать бегло, то он быстро осваивает счёт с переходом через десяток. То есть чтение выступает как первичная абстракция, оно как бы помогает всему остальному. Ребенку не только становится проще решать задачи, потому что он понимает сам текст, но и стимулируется развитие мышления общее. Сейчас дети и читать не умеют, и считать они не умеют. Начальную школу заканчивают 1-2 ребёнка, кто умеет читать нормально, остальные отдельные слова разбирать только умеют. Ну и получается, что они читать не умеют, считать им некогда (складывать-вычитать в пределах 20 не умеют), а когда выходят во 2 класс, им надо уже таблицу умножения и вычисления с многозначными числами осваивать. Многие не умеют складывать-вычитать и в пределах десятка. На пальцах им считать не дают – запрещено. Говорю родителям: «Считайте на пальцах, дома считайте, потому что это хоть как первая символическая замена». И вот доходит до того, что у меня из 5-6 классов ребята приходили, и надо было при тестировании примеры решать, складывают: к 8 прибавляют 3 и получают 12. Даже к средней школе с переходом через десяток не научились считать. Учителя с этим тоже сталкиваются. Почему такое происходит? Потому что переделали программу математики начальной школы. Дети вместо того, чтобы считать, учат состав числа. То есть, например, из чего состоит число 10? Это: 0 и 10, 1 и 9, 2 и 8, 3 и 7 и т.д. Дети всё это наизусть заучивают, состав чисел в пределах десятка, но не считают. После этого дети считать не умеют, потому что наши психологи и педагоги, которые эти программы делают, они не понимают, что память – она операторной функцией не обладает. Память позволяет только воспроизвести то, что и как заучили. А 8 и 3 они не сложат, потому что тут нужно операторно действовать. Современные первоклассники могут воспроизвести наизусть состав любого числа, но не посчитать – этого они не умеют. И когда учителя сталкиваются с тем, что дети состав числа вы зубрили, но примеры на сложение-вычитание решать не умеют, контрольные писать не могут, то берут американский вариант счёта по линейке. То есть это вторая дурь, которая у нас сейчас активно внедряется и используется. Как только дети привыкают по линейке присчитывать, то получается, что они остаются в наглядном поле, в символы не выходят, и у них многомерность математического мышления не формируется. Дальше они не могут работать ни с многозначными числами, ни с таблицей умножения. Дальше деление – вообще для них закрыто. Ну и

складывать-вычитать по линейке – это в пределах 20-30, больше они считать не могут. Дальше дети учат таблицу сложения. Они заучивают наизусть цепочки чисел, как бы складывая тройками (то есть 3, 6, 9, 12, 15 и т.д), четвёрками (4, 8, 12, 16, 20 и т.д), и т.д. Вот такие цепочки учат. Они заучивают их как стишки, но после этого они таблицу умножения выучить не могут. Её выучить невозможно, её надо понять. Её можно понять только тогда, когда сформируется интеллектуальный комплекс представительства числового поля в голове. А он формируется только тогда, когда дети много считают: складывают, вычитают в пределах ста разные двухзначные числа. А если дети не считают, то они не умеют считать. К сожалению, все программы испортили. Получается, что читать не умеют – задачки не умеют решать. Считать они не считают, потому что они заучивают что-то. Но память – это как мы заучили, так и воспроизвели, она других функций не имеет. Она хранит заученное в том варианте, как заучено, и всё. У памяти операторных возможностей нет, операторные возможности – это мышление, то есть нужно оперировать числами (складывать-вычитать), чтобы научиться считать, тогда это всё формируется.

Теперь наши дети, заканчивая начальную школу, не умеют ни считать, ни решать задачки, поэтому изменили программу и 5-го класса. В 5-ом классе они повторяют математику начальной школы (за 1-4 классы). На это весь 5-ый класс тратится. Зато свернули, сократили программы с дробными числами, отрицательными и с буквами, соответственно на год всё сократили. Изуродовали программы по математике и в средней школе. Биологию как науку тоже убрали. 5-й класс начинается с природоведения общего плана, что раньше с 1 по 4 класс давали. С 6 класса и далее начинается крошка по образцу «Окружающего мира»: то про клетку, то общие законы, то что-то про пищеварение рассказали, то про растения... Просто кошмар, можете сами почитать. Кто это составляет?

В средней школе истории как науки нет (есть «История в картинках»), биологии как науки нет (есть «крошка»), физику отодвинули на 7 класс (была с 6-го), и начинается она не с механики, а с рассказов о природе: про космос, про ракеты, про законы Ньютона рассказывают, но задачек по механике они фактически не решают.

Я спрашиваю:

-Чего вы делаете?

-Презентации рисуем.

Вот думают, что технику в школы дали (компьютеры, интерактивные доски), и всё будет хорошо. Презентацию может и заяц нарисовать, там три кнопки нажал, отсюда текст взял, отсюда – картинку, всё по определённому алгоритму делается; но если школьники не учатся и умеют решать задачки по механике, то дальше они и думать не научатся. В старших классах соответственно тоже сокращена программа по физике. Ребята ничего не успевают понять и не могут (поэтому и не хотят) учиться. А психологи говорят, у них подростковый кризис и поэтому они учиться не хотят.

Я говорю:

-Хорошо, вот я работала и работаю в 61 гимназии, лучшая гимназия России, у ребят там тоже подростковый кризис (все через него проходят), но все учатся, и очень прилично учатся.

То есть дело не в подростковом кризисе, а дело в том, что абсолютное большинство учащихся уже к 6-7 классу вообще не понимают почти ничего на большинстве уроков. Вот у меня как раз вопрос про дисциплину. Падение дисциплины – оно на самом деле вторично. Ребёнок не может сидеть спокойно на уроке, когда он не понимает, про что идёт речь. Если у него не сформировался логический компонент понятийного мышления, он не следит за доказательством, не видит развёртывания доказательств. Если у него нет систематизированных знаний, на которые он может опереться, чтобы выслушивать какой-то новый материал, то ему сидеть на уроке тошно. Я всегда привожу такой пример. Если бы мне пришлось сидеть на лекциях по сопромату, то вводную лекцию я бы просидела, но на второй я бы уже вся извертелась. На третью я бы принесла книжку почитать. К 4-й лекции я бы сказала соседу «Давай ходить по очереди». Ребёнок - нормальный человек, он не может сидеть на

уроке, когда он не понимает, про что там говорят. Причём он не понимает не только на физике и математике, хотя может что-то с доски списывать, но и на химии, на биологии, поскольку биология вот так вот преподаётся. На истории он тоже перестает что-либо понимать, потому что история у нас переписывается чуть ли не заново каждые два года. И она у нас давно перестала быть наукой, рассказывают истории про царей – логика вся вынута. Дети наши теперь нечитающие, т.е. они не читали Алексея Толстого «Пётр I», Льва Толстого «Войну и мир» не читали, поэтому им «сухие» факты из параграфов не на что положить, они не знают вообще про кого там говорится, путаются в именах и временах, и тошно им сидеть на уроках. Дисциплина падает, и учиться они не хотят, прогуливают, потому что им просто скучно на уроках от непонимания и незнания. Это причина падения дисциплины, с одной стороны. С другой стороны, школа потеряла авторитет в том плане, что уже не имеет права требовать, выговоры какие-то делать, наказывать. Сейчас многие ездят на машинах, пробки и т.д., и вот дети опаздывают. Раньше ходили пешком и ездили на трамваях и не опаздывали, и если кто-то иногда опаздывал, то имел массу неприятностей и старался больше не опаздывать ... Вот у меня было в одном лицее: если ребёнка за 5 минут до урока нет в классе, считается опозданием, всё – выговор родителям. Сейчас и там уже с дисциплиной хуже, тоже не имеют права «пропесочить», якобы – объективные причины. Сегодня школа требовать не может, как раньше, и все к этому уже привыкли.

Но больше проблема с дисциплиной, конечно, от того, что дети перестают понимать про что учителя рассказывают на уроках, и им сидеть скучно. Когда понимают, следят за тем, о чём говорится, когда учащиеся могут дискутировать, обсуждать, они сидят на уроках нормально, очень активно работают, никто не хулиганит, и совершенно по-другому проходят уроки. То есть в более приличных школах (гимназиях, лицеях), где отбор с 5 класса, дети сразу попадают в жёсткие рамки, и должны учиться, много дополнительно читать. Их начинают приобщать к знаниям и требовать знания, и год-два они в этот ритм входят и дальше учатся нормально. И подростковый кризис – да, он и тут есть, на чём-то сказывается, но приоритет учёбы абсолютен, доминирует желание получить хорошее образование, знать математику и языки, чтобы быть программистом или уехать отсюда и работать в Европе или ещё где-то. Они все учатся нормально. Проблема дисциплины – в общеобразовательных школах. И там как раз проблема образования уходит на последнее место, лишь бы дети ходили в школу и сидели на уроках. А чему их там научат или не научат ничему, никому нет до этого дела.

Наши разработчики образования предлагают три варианта программ, они сейчас закреплены в законе об образовании. **Базовая программа** – это «обычное» предметное обучение, какое было. Но сегодня – это искалеченное предметно обучение, даже программа Виленкина по математике прекрасная, искалечена, потому что 5 класс у них повторение начальной школы. Далее свёрнуты в один год и дробные, и отрицательные числа, то есть на работу с более сложной в математикой просто времени не хватает. И биология испорчена, и физика испоганена, но, тем не менее, это считается базовым образованием.

Есть **углублённая программа**, когда более углубленно изучают какой-либо предмет (или группу предметов): биологию, английский язык, математику, физику или литературу, историю.

И есть **интегрированные программы**. Что такое интегрированная программа? Очень красивое название. Это тогда, когда не нужно предметное обучение. Есть курс «Обществознание» и есть курс «Естествознание». Вместо физики, химии и биологии – «Естествознание». Не надо ни задачек по механике, ни по электричеству решать, всё сложное убрали, вот что-то про биологию порассказывали, про физику порассказывали, про химию и всё. Рассказы с картинками. Это у нас «Естествознание». И «Обществознание» такое же – из истории что-то, из обществоведения. Разработчики в «Обществознание» почему-то и географию включили... География всегда была естественно-научной дисциплиной. Но у них география в общественных науках. Для ребят с 6-го по 9-ый класс предлагаются рассказы в картинках обо всём понемножку. Единственная проблема такая, про которую разработчики умалчивают: в 10-11-х классах – интегрированных программ нет, там образование либо

предметное базовое, либо углублённое. То есть интегрированное образование заканчивается 9 классом. Его продавливают везде, потому что тогда да, дети сидят спокойно, чего-то заучили, пересказали, какие-то оценки получили, задачек решать не надо – и из 9 класса их выпихивают, чтоб больше и не учились. Одно дело в общеобразовательных школах, хотя это тоже безобразия, но сейчас предлагают и в гуманитарных гимназиях. Я почему знаю, рядом с моим Центром французская гимназия, они взяли интегрированные программы по естествознанию. А потом ужаснулись, потому что в 10-11-х классах есть биология, физика, химия, а дети учиться не могут, они эти предметы не изучали. Только с репетиторами... Пришлось быстро отказываться от интегрированных программ. Вот вам нововведение в образовании. Так что, программы безобразные. К чему это дальше приведёт....

Ну, и переориентация она идёт не только в образовании, она идёт и в обществе. Мне сейчас вопрос как раз такой задали: «Как воспитать личность, а не просто образовать человека?»

Я вам скажу: да, у нас и в обществе идёт переориентация. Главное теперь не то, чтобы образование иметь, главное, чтобы самореализоваться. Главное, чтобы человек был активный, где-то мог себя проявить, показать. И для детей сейчас масса конкурсов, чтобы они проявлялись, и неважно, в чём – в танцах, в рисунке, в том, что подпись оригинальней придумает, там кого-то поздравит лучше, фотографию пришлёт. Главное – где-то как-то проявиться. Вот эта вот личностная активность теперь важна. И уже родители переориентируются, общество переориентируется – академизм, образование отодвинули, главное, чтобы личность была. Но при этом забывают, что личности не будет, если не будет мышления. Потому что личность – это человек, который правильно оценивает ситуацию, правильно принимает решение, видит, что надо делать... Без понятийного мышления, т.е. без академического образования личности не будет. Что мы можем дать ребёнку? – Мы можем дать ему возможность развить, сформировать понятийное мышление, чтобы он сам выбрал для себя жизнь. Потому что когда мы, взрослые, даём детям какие-то советы, мы ведь в это время, в котором они сейчас живут, не были молодыми, мы не знаем их проблемы, на себя всё равно адекватно примерить не можем, какие бы мы умные ни были... Я сомневаюсь, что мы можем, как полагается, всё понимать, в их школу влезть мы не можем. Они должны сами во всём разобраться и принимать решения. И только тогда, когда у подростка будет понятийное мышление, будет возможность понимать всё адекватно, только тогда он сможет быть личностью. У нас задача такая: если мы хотим сформировать личность, то мы должны научить их думать, научить правильно понимать жизнь, в которой они оказались, научить правильно выбирать свой путь, и вот тогда они будут личностями.

Ещё вот вопрос о последствиях отмены трудового воспитания детей. В наше время тоже трудовое воспитание было умеренно проблемным. В чём был плюс, я считаю: у нас трудовое воспитание было бесполое, хотя против этого сейчас возражают все. У нас девочек учили работать на станках, забивать гвозди, пилить. Мальчиков учили готовить, шить. До конца 60-х годов так было. Я считаю, что такое образование, конечно, было не от хорошей жизни, но логика была такая: человек должен уметь всё. Я считаю, что то, что я научилась забивать гвозди, могу почти всё починить и отремонтировать, мне это всегда пригождается. И то, что раньше мальчики умели пришивать пуговицы, гладить, варить обед, оно тоже было полезно. По-моему, в этом был плюс. Сейчас трудовое обучение мальчиков и девочек разделено. С другой стороны, можно хоть вообще убирать это трудовое обучение, потому что сейчас можно нанять, чтобы отремонтировали, прибили, пришили, постирали. Уроки труда сейчас есть, они называются «Технологии». Просто сменили название. В начальной школе - они дети клеят, режут, там с рисованием совмещено. В средней школе: те же самые шитьё-готовка у девочек, и у мальчиков что-то там трудовое осталось, но они у станка вроде не стоят, часто заменяют компьютерным образованием. Но чтобы научить, если окажется, что нет никого рядом, чтобы мог мальчик и пуговицу пришить, и дырку зашить, и что-то себе приготовить, а девочка могла бы гвоздь прибить или там что-то починить, проводку или ещё что-то – такого теперь нет, а может это было бы полезно. С другой стороны, когда говорят об уборке классов, работе на пришкольном участке, и у нас это было проблемно. Как раньше, так и сейчас никто из детей не хочет и не будет убирать классы. За все годы я видела единственную школу, где классы убраны, и дети убирают всё сами и убирают хорошо. Я когда пришла в 90-е годы в эту школу, меня поразило: парты там были розовые и голубые. Знаете, в какой

цвет обычно красят школьные парты? В чёрный, чтобы меньше было заметно, как они все учениками разрисованы. Посмотрите, здесь студенты сидят, всё о них на их столах прочесть можно. А в этой школе розовые и голубые парты абсолютно чистые. Там и стены чистые. Почему? Потому что там преподаватели моют полы и парты, и стены вместе с детьми. Только тогда, когда взрослые вместе с детьми всё это делают, дети трудятся с удовольствием. У них в школе каждый месяц в конце трудовой день. Они приходят, халаты одевают, чай приносят, и дети, и учителя... Каждому классу выделена стенка в коридоре, ну и парты, и стены в своём классе. А когда сами моют, то и не пачкают. Если только детей отдельно заставляют, это как наказание, никто это делать не будет. В наше время не делали, и сейчас делать не будут. Только тогда, когда вместе со взрослыми, так же и детей маленьких воспитывают. Если мама говорит: «Иди, убирай игрушки, иди вымой ботинки» - не будет делать. Он интуитивно оценивает: вот мама не делает со мной. Если мама говорит: «Пойдём убирать игрушки, это туда ставим, это сюда»... Идём мыть ботинки – всё делают, с мамой интересно и постепенно привыкают. Только тогда, когда всё это делается совместно со взрослыми, тогда трудовое воспитание работает. Оно не работало и раньше, когда не было вместе со взрослыми. То, что сейчас его убрали – какая разница? А то, что на труде неизвестно чему учат – ничему не учат, ну это да, у нас и на других предметах, уроках тоже не учат ничему, ни на физике, ни на биологии, ни на биологии. И труд претерпел те же изменения.

Чтение вопроса с бумажки: Насколько правильно говорить, что обучение – это предоставление образовательных услуг? Или это все же что-то другое?

Не имеет никакого значения, как оно называется. Потому что главное, чтобы были программы хорошие. Этим названием сейчас как бы принижают школу, да. Вот, мы предоставляем образовательные услуги. Игра с терминологиями, она, в общем, не имеет значения никакого, я считаю. Как ни назови, если образовательные программы плохие – всё плохо. Ребёнку всё равно, как это называется, образовательные услуги или ещё как-то. Он приходит в школу, он уроки делает. И именно то, что он делает в школе каждый день, какие делает домашние задания, то, как у него в учебнике программа изложена – вот это его или образует и развивает, либо не образует, не развивает. ВСЁ. А то, как это называется, ребёнку в высшей степени на это наплевать.

Фраза из зала: А родители, они привели и говорят: «Вы нам дайте результат»

Лектор, далее:

К сожалению, в новом законе об образовании теперь сами родители юридически за результат отвечают. Раньше этого не было, но два года назад приняли новый закон об образовании. До этого за результаты образования отвечали три инстанции: академическая педагогика – за разработку программ, организационная педагогика – это комитет по образованию, директора – за организацию образовательного процесса, и педагоги конкретно за результат образования. Были три инстанции. В новом законе об образовании наравне введены родители, и они за это подписываются, когда приводят ребенка в школу, что они так же отвечают за результаты образования, как все эти три инстанции. То есть академическая педагогика с себя полностью сняла ответственность. Во-первых, наши разработчики программ говорят, что учителя виноваты – они не делают то, что им велят. Во-вторых, директора не могут особо сопротивляться, потому что с них всё время снимают деньги и их самих легко заменяют. У нас теперь менеджеры руководят школами, а не преподаватели. Педагогический процесс они фактически не знают, программ не знают, поэтому и не вмешиваются, и за это не отвечают. Теперь родители становятся крайними, за всё отвечают. Им говорят: «У учителя 25 человек, у вас он один. Вы подписались и отвечаете за результаты образования, ну что мы будем с вашим оболтусом делать, если бог не дал ему... что можем, то и делаем. А за остальное отвечаете вы».

Вообще это безобразие, потому что на самом деле родитель работает сам где-то – кассиром, шофёром, у станка стоит или ещё где-то. У него своя профессия, где он отвечает за то, что он делает. Всегда он был как бы, да, добровольным участником, но когда-то ему минимально приходилось участвовать, когда мы учились, потому что программы были замечательные. А теперь он, так сказать, не только добровольный участник, он ещё юридически ответственный. И если ребёнок учится плохо, то родителям говорят: нанимайте репетиторов. И так далее. То есть школа уже не отвечает, если ребенок

весь в двойках... Это уже проблемы родителей. То есть академическая педагогика полностью сняла с себя ответственность за безобразные программы, потому что в этом Федеральном государственном образовательном стандарте вообще прописано, что программы все замечательные, дело в том, что учителя должны перестроиться и работать по-новому. Для этого они должны формировать эти универсальные учебные действия, и диагностировать их, и мониторить развитие этих универсальных учебных действий, должны выделить в уроке время специально для этого. Своё свободное время на это использовать, тратить. Мало того, сейчас в начальной школе заведена обязательная «внеурочка», развивающая якобы. То есть дети до 5 вечера теперь в школе, и учителя тоже. И они обязаны после уроков всякой игровой деятельностью заниматься, но ни в коем случае ни чтением, ни математикой. Вот они там бегают, носятся, чумают на этой «внеурочке». Дети настолько переутомляются и перевозбуждаются, забывают вообще, что было на первых, на основных уроках. Учителя очень устают, уже начинают увольняться. Сейчас в начальной школе ситуация жуткая на самом деле. Я не знаю, что ещё должно произойти, чтобы, наконец, наши идеологи о чём-то задумались... Ну, академическая педагогика считает, что они всё понимает, во всём правы, а мы просто не умеем так работать, как они говорят. Если бы учителя всё делали, как они говорят... А на самом деле, как только учителя начинают делать, как сверху распоряжаются, так ситуация становится ещё хуже. Сейчас много безобразных нововведений... Я уж не буду на них останавливаться... Но это кошмар.

Вопрос об особенностях современных детей. Как влияют компьютеры? Я отношусь к компьютерам положительно, потому что среда меняется, ситуация меняется. Когда я училась, нам запрещали использовать авторучки. Сначала перьевые, потом шариковые, считалось, что на наше умственное развитие будет влиять негативно. Запрещали использовать калькуляторы... В Японии, во Франции компьютеры с раннего детства, у них есть развивающие и очень полезные программы. Единственное, в чём проблема – если читать детей не научить, тогда у них ничего нет, кроме этих смартфонов, телефонов, потому что с этой техникой просто, дети быстро обучаются, и читать не надо. Другое дело, если детей научили читать, тогда техника полезна. Вся новая техника – это связь и информация. Быстрая связь – мы всегда можем знать, где ребёнок, всегда можем связаться, они могут с нами связаться. Телефоны всё равно не заменяют им живое общение, они всё равно тусуются, особенно в подростковом возрасте. Живое общение для детей важным остаётся всегда, что бы ни говорили психологи. Ну и информация, они любую информацию могут получить очень быстро, это очень хорошо! Это нам нужно было идти в библиотеки, заказывать книги, неизвестно ещё было, получим, не получим, есть книга или нет, специально приходиться читать... А сейчас – раз, два – набрали по ссылке, и всё! Так что я отнюдь не против компьютеров, я всегда говорю родителям: «У ребёнка должно быть честные полчаса-сорок минут каждый день компьютера, после того, как он сделал уроки, вы ему помогите с уроками». Наказывать компьютером нельзя.

Вопрос из зала: по поводу письма рукой. У меня был разговор с кандидатом психологических наук Чесноковой. Она безбожные ошибки делала, когда печатала на клавиатуре. И она говорит, что вот до такой степени закрепилось, когда пишешь рукой.. (показывает на голову)

Ответ: потому что она начала писать рукой, и очень долго писала рукой, у неё графика двигательная закрепилась, а когда дети рано начинают печатать так, для них без разницы, у них нет ещё вот этого приоритета последовательного выписывания, они могут грамотно печатать и так, и значительно быстрее, чем пишут.

Кто такие вундеркинды, мифы это или реальность, и какие проблемы с социализацией?

Есть вундеркинды и псевдовундеркинды. Во-первых, высшие психические функции, они от природы не зависят никак. Глен Доман, он гениальный врач, третий год как уже его нет, к сожалению, медик, невролог, у него в Филадельфии Школа максимального развития человеческих способностей. Он говорит, что от рождения все Леонардо да Винчи, потому что все имеют гены гомо сапиенс. Проблема состоит в том, ЧТО мы можем активировать, чему мы можем научить, что мы можем воспитать и что развить. Когда пишут книги про «генетику поведения, генетику мышления, генетику способностей», бумага всё стерпит... Наш Леонтьев доказал, например, что музыкальные способности, они не

генетически определены. Он проводил эксперимент (мы же своих классиков не читаем!) с людьми, которым уже за 20, за 30 лет, про которых доказали, что им «медведь на ухо наступил», вообще у них звуковысотного слуха нет, он быстро этот слух им развил. Сначала через пропевание, потом просто через нажатие пальцами. Выстроил своих испытуемых наравне с консерваторскими студентами, и попросил, чтобы консерваторские преподаватели протестировали и определили, у кого есть звуковысотный слух, у кого нет. И оказалось, что у тех, кому Леонтьев развивал слух, лучше звуковысотный слух, чем у студентов, кто по классу фортепиано обучался, леонтьевские оказались между виолончелистами и скрипачами. Всего меньше чем за год, там за полгода где-то Леонтьев смог это сделать. То есть всё формируемо, нужно только знать как. Другое дело, что, когда с детства формируется звуковысотный слух, тогда ребенок им пользуется, у него дальше ладовое чувство развивается, далее он обрастает целым кругом качеств, которые потом называются общими музыкальными способностями. Вы можете верить, можете – нет. Тот же Выготский считал, что высшие психические функции полностью социальны, формируются только в процессе обучения и воспитания. Глен Доман вообще работал с детьми, которые от рождения имели такие травмы и проблемы мозговые, что до 3, до 5 лет не говорили, не двигались. Ну, ели и выделяли. А потом делал так, что в 6,5 эти дети шли в школу для одарённых, потому что решали задачи 12-летнего возраста, хотя ещё плохо говорили, каша во рту была, двигались ещё плохо. Двигательные функции восстанавливаются с трудом, а интеллектуальные – развиваются легко. Выготский говорил: когда травмирован ребёнок, нужно просто его обучать по-другому, не как здоровых, в обход травмированных функций, и можно добиться, чего хотите. У меня сейчас дети тоже приходят, которые до 7, до 8 лет вообще не говорят, отдельные звуки издают. У меня мальчик был, у которого диагноз был «аутизм» и «имбецильность», то есть достаточно глубокая умственная отсталость, инвалидом был. Говорить начал только со 2 класса. Он сейчас в 5 классе общеобразовательной школы. Учится на 4, диагноз подтвердить не могут. Потому что говорит, решает задачки, пишет диктанты, общается, ВСЁ! Вот вам, пожалуйста: всех можно выучить, только нужно учить по Выготскому, по Доману, по Давыдову. Есть замечательные системы обучения, технологии развития, но наша система образования идёт по такому направлению, что даже здоровых детей обучить не может вообще. Делает из здоровых детей умственно отсталых, ограниченных, агрессивных и т.д.

Вернёмся к вундеркиндам. Что это за дети? Это не те дети, которым природа якобы что-то дала, а те, которых обучали рано, у них гармонично всё развилось, и поэтому они намного превосходят в развитии своих одногодков. А по поводу якобы дезадаптивности вундеркиндов можно почитать книги Ушакова, он много западных исследований приводит, в которых давно доказано, что на самом деле интеллект является одной из самых важных адаптационных функций. Чем выше мышление, тем лучше человек адаптируется. Это – миф, что умные дети очень тревожны, имеют массу проблем социального характера. На Западе давно этот миф отвергнут, но у нас до сих пор в него верят. Я проводила специальные исследования, как влияет уровень интеллектуального развития на становление эмоционально-коммуникативной сферы подростка, и оказалось, что если у ребёнка сформировано понятийное мышление, то он его использует и в коммуникативной сфере. У таких подростков социальный интеллект быстрее формируется, они доброжелательнее, они знают, чего хотят другие, конфликтов у них с окружающими нет. То есть интеллект помогает в адаптации очень сильно.

Но я возвращаюсь к тому, какого ребенка называют вундеркиндом. Во-первых, начинается с того, что родители обозначают его как вундеркинда, если он в какой-то области успешен – на коньках хорошо катается, либо он английский хорошо осваивает или ещё чем-то выделяется. Если у ребенка развивается какая-то одна способность и нет понятийного мышления, то он не может равномерно везде быть успешным, и тогда да, тогда он тревожен, социально неадаптивен, у него масса проблем. И отличники, которые получают пятёрки только благодаря памяти, тревожны. Я много занимаюсь диагностикой и вижу, что у нас очень мало отличников, у которых полноценно развито понятийное мышление. Начинается это с того, что пятёрки получают в начальной школе, когда у ребенка память сильная, он говорит буквально всё так, как говорит учитель, и он и дальше продолжает пользоваться только заучиванием. И вы знаете, есть зубрилы, а есть те, которые не зубрят, а учатся хорошо.

Тревожные отличники – это те, у кого память, но нет мышления. На самом деле вундеркинды – это когда у детей гармонично развито мышление, и они социально адаптивны, веселы, они общаются нормально, они общаются с каждым на том уровне, как тот может общаться, и с более умными, и с менее умными, нормально общаются. Они находят общий язык с кем угодно, тревожности у них нет, я тестировала, смотрела детей с 1 по 11 класс, их развитие. Дело в том, смотря кого называть вундеркиндом, что мы под этим понимаем. Если ребенок имеет какую-то очень ограниченную способность, а Вы его называете вундеркиндом – извините, такой ребёнок будет потом страдать, потому что он привык: здесь лучший, а там оказывается – он посредственный, а тут – он вообще никакой. А он уже привык, что он особый какой-то... Будут проблемы. Только тогда, когда гармонично ребенок развит, мышление развито, чтобы самому всё понимать, проблем никаких не будет.

Ну, далее дети «индиго». Это уже пятый раз, наверное, у нас волна про детей индиго идёт, впервые о них начали говорить на рубеже 80-х и 90-х. Что вот, мол, современные дети, которые плохо себя ведут, которые не адаптивны, агрессивны, учиться не могут – это дети будущего, назвали их: дети «индиго». Объясняют, что эти дети только сейчас не адаптивны, но они вырастают и именно они потом изменяют мир. Они особенные, творческие, они придумывают нечто новое, и сейчас нужно просто терпеть, ждать, пока они вырастут, и тогда они будут успешными творческими людьми – вот это всё слова для самоуспокоения родителей.

Детей, которых называют дети «индиго», лечить надо. Это дети, которых сейчас называют «гиперактивные дети», раньше называли «дети с минимальными мозговыми дисфункциями», до этого возникающие у этих детей проблемы связывали с послеродовой энцефалопатией – это вот всё из одной оперы. Запад раньше, в 70-е годы столкнулся с этой проблемой, мы позже, в 90-е. Дело в том, что естественный отбор закончился. У нас сейчас много родовспоможения, всякой аппаратуры, всего прочего, и выживают все дети, которые раньше не выживали, гибли. Смертность до года никогда не входила и не входит в общий показатель смертности. Она считается отдельно и характеризует степень цивилизованности государства. Вот Европа-Америка, они раньше стали цивилизованными, резко сократили младенческую смертность до 1-го года, и они с этими проблемами столкнулись раньше. Мы где-то с 90-х годов стали открытым обществом, получили всю эту родовспомогающую аппаратуру, и тоже у нас теперь те, кто килограмм весит, 6-месячные, с разными патологиями – они все выживают, таких детей процент очень высокий. И они дальше развиваются с осложнениями, то есть это не дети будущего, а это дети, с которыми нужно дополнительно заниматься проблемами здоровья с самого их рождения и специфичным обучением до того, как они попадут в школу. Ну, каким специфичным обучением? Опять же, вернёмся к Выготскому, он говорил, что, когда базовое здоровье дефективно, то нужно не сенсомоторикой заниматься, он ругал всякие эти психокоррекционные упражнения, всякую эту гимнастику медицинскую. Он говорит: «Нужно учить читать и думать». Если есть анатомические дефекты, мы восстановить эти структуры с помощью психологических упражнений никогда не сможем, а научить читать и думать можем любого. У нас же эти проблемы по-другому решать пытаются. Этим детей отправляют к логопедам, в дефектологические группы, и они занимаются тем, что ещё сто лет назад ругал Выготский. Выготский говорил: «Что можно развить в отсталом ребёнке, если он будет переключать бусины, вставлять штырьки, переливать воду, носить воду на голове, лазить где-то, мы его только вгоним в умственную отсталость. Проще научить читать». Когда ко мне приходят такие дети, неговорящие, с диагнозами, я их учу читать. Чтение – это не говорение. Они видят, сравнивают, выбирают. Они учатся читать молча, понимая. Как только научились читать, они учатся считать, решать задачки, отвечать на вопросы, они на вопросы отвечают письменно, и уже только потом, когда они легко и отвечают, и решают, они могут прочесть, озвучить то, что там написано, а потом только начинают говорить.

Вопрос из зала: вы рассматриваете целый ряд деталей и аспектов образовательной системы и оцениваете их отрицательно. Но, возможно, вы сгущаете краски, ведь всегда есть те, кто видит стакан наполовину пустым или наполовину полным. И, возможно, те, кто заканчивает высшие учебные

заведения, в итоге в свой срок получают все необходимые навыки и знания, а те, с кем это не произойдёт, это люди ленивые, на которых, может быть, и отвлекаться не стоит.

Ответ: Понятно. Ну, во-первых, я только что объяснила, как сформировать всем понятное мышление, как сделать так, чтобы все могли учиться, как и было раньше, когда фактически могли учиться все, и репетиторов в старших классах не было вообще, вы этого уже не застали. Репетиторы нам просто были не нужны. Нам не давали заранее вопросы к экзаменам, никогда, мы сходу отвечали на вопросы по билетам, которые получали. Хотя учились тоже по-всякому, не особо даже посещали уроки. Программы были другие, и абсолютное большинство могло учиться. Какие плюсы есть сегодня? Дело в том, что есть школы федерального уровня, которые не подчинены всей этой административной обязаловке, которые могут сами выбирать программы. В этих школах сохранились традиции «советского» преподавания, там обучают, развивают, воспитывают детей, в них учителя действуют так, как надо, и делают то, что хотят. Есть ряд школ, но они не имеют начальной школы, в них поступают дети с 5-го класса. Начальной школы у нас хорошей нет нигде, ни одной. Вы можете пойти проверить, посмотреть. Я все образовательные программы начальных школ смотрела, знаю, к чему они приводят. Но хорошие сильные средние и старшие классы, да, есть. Там, где школа может сама выбрать, где есть традиции образовательные. Есть программы, которые были улучшенные даже по сравнению с советскими, математика, например, шагнула вперёд, и «давыдовская» математика лучше, и «виленкинская» лучше стала. Там и программирование сейчас добавилось, и кое-что в физике в лучшую сторону продвинули. В физмат школах программы в лучшую сторону усовершенствовались. В языковых гимназиях есть тоже программы сильные. Но это единичные школы, туда и попасть не каждый может, а общая ситуация...

Дело в том, что, когда перешли на ЕГЭ, уровень образованности стал резко падать. И не для кого не секрет, что сейчас чуть ли не ежегодно снижается уровень требований по ЕГЭ для получения аттестата. В прошлом году опять снизили, а то бы 20% выпускников не получили бы аттестаты. Но требования снизили и аттестаты выдали. Что получается: за 6 лет, в течение которых я тестирую первокурсников Политехнического университета – в 2 раза упал уровень развития мышления у студентов, которые поступили в Политех. По прошлогодним данным только 40% могут получить высшее образование, а по данным за этот год, где-то всего 36% - ещё меньше! Это о чём говорит: администрация там кафедры математики, физики третирует, что, мол, разучились учить, а на самом деле проблема в студентах, которые не могут понимать не только физику высшего образования, а и ту, которая в школе была. Проблема в том, что, если не сформировались необходимые операции мышления, они дальше не понимают науки, ни физику, ни математику, хотя они её в школе на ЕГЭ сдают. На каком уровне сдают ЕГЭ – вообще ни на каком! И дальше поступают в ВУЗы. Это не лень отдельных старшеклассников или студентов, это проблема системы образования: мы гробим детей, гробим поколения из-за наших академиков от образования, из-за тех, кто делает вот эти программы и реорганизует образование. И дальше специалисты какие... поэтому дома рушатся, мосты. Есть школы хорошие, но их очень мало. На Олимпиадах наши дети лучшие - потому что это отдельные дети, у нас очень сильные отдельные школы, но эти дети у нас в России не остаются. Я знаю, что уезжают многие.

Вопрос из зала: А вы чувствуете поддержку коллег? Может быть, как-то объединяетесь?

Ответ: Дело в том, что я пытаюсь вроде как народ поднимать, но школы – они материально зависимы. Если учителя там чего-то пытаются менять, то дальше это не идёт никуда, директор уже часто ничего сделать не может. Если директор будет поступать вразрез административным распоряжением, его снимут и заменят тем, который будет делать то, что ему велят. И потом школы финансово очень сильно ограничивают. Вот 61 гимназия самостоятельная, пытается отстаивать свою самостоятельность, так вы придите, посмотрите... Все говорят: Господи, почему интерьеры жуткие, двери никакие, а там элементарно на это денег не хватает. Что дают, всё тратится на само образование, пособия и пр. Вот кто делает, что требуют, эти школы деньги имеют. Бьют деньгами элементарно. Сейчас ещё лучше сделали: с этого года сняли бюджетные гимназические и лицейские надбавки. Если директор хочет – пусть учителям доплачивает из своего фонда, а если нет денег – так нет. За более

высокий уровень образования получать никто не будет, нечего выкладываться. Мало того, не будет вступительных экзаменов в гимназии, лицеи, обязаны будут по месту жительства принимать всех. В лицеи и гимназии были вступительные экзамены с 5 класса, теперь не будет. А если ребёнок недостаточно развит, всё равно будет учиться по программе повышенного уровня, и на базу, на 3 балла, учителя выучить обязаны каждого. У нас теперь уже 3 балла считается базой! Три – это ребенок только чуть-чуть что-то понял! И через пару лет там вообще с пониманием будет полный ноль. А в нашей системе образования – уровень троечника считается базой. Если слабый ученик не сможет брать сложную программу, но три-то вы ему обязаны поставить. Если 3 не поставили, будет комиссия, будет выговор за неумение преподавать. Если вы будете предлагать, чтобы ребёнок перешёл в другую более простую школу, то опять же будет комиссия и выговор.

Вопрос из зала: Чиновники от образования выдвинули предложение, что надо привести школы в соответствие с социальными странами, что это?

Да, для богатых одно, для бедных другое. Кто может репетиторов нанимать, а кто не может. Последние два года они работают над изучением математических программ, мол, зачем всем изучать алгебру. Давайте предложим обычным детям что-нибудь попроще, потому что алгебру никто из них не понимает. Правильно, если в начальной школе читать и считать не учат, задачки решать не умеют, дальше упростили и скомкали математику, естественно, алгебру брать никто не будет. Опускается уровень образования в стране, уровень культуры опускается. У нас же и параллельно идёт, вы же читаете, смотрите ТВ, у нас идёт сокращение и высшего образования. Уже давно все ВУЗы сокращают. В Политех влили 4 ВУЗа и сократили на треть, преподавателей увольняют. Подписана концепция – количество ВУЗов должно сократиться. Сокращают преподавателей, сокращают студентов, не только бюджетников, сокращают и коммерческие отделения. Вообще высшее образование не нужно. У нас образованных людей пристроить некуда. Мы давно уже страна третьего мира, сырьевая. У нас нет промышленности, у нас нет науки, людей с высшим образованием некуда девать, им работы нет. Образовывать не надо! Вот мы будем минимум такой-то образовывать. А то, мол, они все за границу уезжают. Так и этот минимум уезжает, у нас не остаётся никто. Политика такая. Непонятно, кто наверху принимает такие решения: либо без понятийного мышления, либо временщики.

Вопрос из зала: если завтра отменят ЕГЭ и введут нормальные программы, сколько времени займёт перестройка?

Ответ: как только дети начнут учиться по нормальным программам, всё нормализуется. Желательно с 1 класса. Сейчас что делают в школах? Сейчас школы имеют кое-какие права выбора программ. Например, можно и возвращают английский Верещагиной, потому что по новым программам по английскому языку дети не знают ни языка, ни говорить не могут, а с 5 класса изучать английский не могут вообще. Разрешили, слава богу, возвращают. У нас имеют право вернуть биологию – ботанику, зоологию, анатомию, как учили раньше, и возвращают. Как только вернут ботанику, зоологию, анатомию – всё, уже целый цикл для развития понятийного мышления, для нормального обучения, он уже будет работать на образование в целом. Если бы могли ещё вернуть физику – у нас учителей физики нет. Биологию ещё могут преподавать, а с физикой уже проблематичней. Математики есть, а с физиками труднее.

Вопрос из зала: Скажите, пожалуйста, при том, что идёт такая катастрофа образования, деградация, большинство населения у нас, тем не менее, уверено, согласно опросам, что страна, наоборот, развивается... Это связано с той дебилизацией?

Ответ: Это связано со стабилизацией, раз, и с тем, что когда спрашивают, конкретно про школу никого не спрашивают. В опросах никто школы не касается. Когда спрашивают про страну, то люди отвечают на то, как они чувствуют, смогут ли они зарплату завтра получить, смогут ли они покупать продукты,

как они в целом живут: квартира, машина и пр. Люди оценивают это. Для них общая оценка состояния страны – это общая оценка своего практического существования. Если бы спросили про образование, то вот тогда бы многие схватились за голову – кто их детей учит сейчас в школе? Но те, у кого дети уже закончили, могут и не отреагировать. Вот у кого ещё дети не начали учиться, те уже трясутся, а у кого дети в начальной школе, вот эти бы ответили про развитие страны в плане образования! Когда людей спрашивают про страну – они отвечают одно, а спросили бы про школу, про образование – были бы другие ответы, отнюдь не положительные. Здесь важна постановка вопроса, это азы социологии: надо правильно спросить, чтобы получить то, что надо. Про школу специально не спрашивают, вы нигде таких вопросов не найдёте.

Реплики из зала: Что же делать родителям и детям? Как в других странах?

Я говорю: если можете, нанимайте репетиторов. Нет, значит, вы с 8 класса покупаете сборники задач для поступающих в ВУЗы (они только советские, других нет, это всё 70-е годы, 80-е годы, потому что после этого уже не выпускали), и дети методично всё подряд решают. Далее, я говорю родителям, есть такие авторы как Зак – у него есть логические задачки без чисел, есть Тамберг – у него тоже есть хорошие задачи. Если 5-6 класс, дети могут дополнительно разбирать задачи этих авторов. Если приходят ко мне заниматься, то я им эти задачки даю. Можно найти что-то для развития мышления. Говорю: ищите старые учебники биологии. Нет, не нашли – значит, мы рисуем таблицу, и я объясняю, как школьную биологию укладывать на естественно-научную схему, а дальше – сборники для поступающих в вузы, чуть-чуть репетиторы.

Я общалась и с представителями скандинавской системы образования. Финны, они первые начали перестраивать своё образование, дальше шведы, норвежцы, у них есть Объединение преподавателей, работающих по русским учебникам, по учебникам русской школы. На самом деле – это не русские, а советские, 70-х-80-х годов, учебники, их приспособили. Германия к ним 4 года назад присоединилась, и сейчас самое лучшее образование – это их образование. Мне из норвежского университета прислали данные тестирования школ. Тестируют и смотрят процентное распределение, сколько по разным школам и, соответственно, по разным программам, сильных, средних и слабых детей по уровню знаний. Они по пятиклассникам и семиклассникам смотрели. Когда они сравнивали и смотрели вот эти проценты по «русским» школам, то ниже 50% образованности ни один ребёнок не опускался. Школы, которые работают по нашим программам, дают качественное образование, то есть слабых учащихся, необразованных, не знающих, не понимающих по этим программам вообще нет. У меня приятельница в Бостоне работает, она живёт там 15 лет. Где-то лет 5 назад узнала, что есть система обучения математике на русском языке. То есть это наши математики. Они не утруждаются обучать по-английски, к ним поступают только те, кто знает русский, и далее этих детей, которых математике учили русские, берут на работу куда угодно, и программистами, и математиками, и расчётчиками, если у них есть справка об окончании школы на русском языке. Везде наши старые программы и методы преподавания ценятся, все это знают, у нас были прекрасные программы, прекрасное обучение было. Единственное, что – не осталось учебников фактически, потому что учебники держат 3-5 лет, потом выкидывают. Эти учебники нужно искать у старых учителей, неизвестно где.

Из зала: У нас в ВУЗах чёткое требование, чтобы учебники были не старше 6 лет, их поэтому просто переиздают. И преподаватели переписывают свои учебники.

Лектор, далее: Я много езжу, я была в Калининграде, и там гимназия, директор химик. Он отошёл от преподавания, ушёл в администраторы. Говорит: «Я долго не понимал, почему дети химию ненавидят. Я её так любил. И я решил вернуться в преподавание. Посмотрел учебник – у меня волосы дыбом стали. Взял учебник старый, 49 года, по которому сам учился, и стал по нему преподавать. Все дети учатся, всё замечательно. Всю структуру старого учебника оставил, прибавил только новых фактов, сведений про новые исследования».

Обсуждение, вопросы.